

На правах рукописи

Сулейманова Дильбар Данисовна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ
(БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО)
И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа – 2016

Работа выполнена на кафедре башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет»

Научный
руководитель –

Зайнуллин Марат Валиевич,
доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук Республики
Башкортостан

Официальные
оппоненты:

Закиев Мирфатых Закиевич,
доктор филологических наук, профессор,
государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
«Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики
Татарстан», отдел лексикологии и диалектологии,
главный научный сотрудник

Заика Наталья Михайловна,
кандидат филологических наук,
федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт лингвистических
исследований Российской академии наук,
Лаборатория типологического изучения языков,
старший научный сотрудник

Ведущая
организация –

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный
университет»

Защита состоится 10 февраля 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38/3 (библиотечный корпус), зал заседания Ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 9 декабря 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.В. Софронова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационной работы обусловлена необходимостью теоретического осмысления закономерностей развития тюркских (башкирской, татарской) систем фонем в сопоставлении с вокализмом и консонантизмом других языков. Фонетические системы башкирского, татарского языков хорошо изучены в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом планах в пределах тюркской, алтайской, алтае-уральской семей. Между тем работы по сравнительно-сопоставительной фонетике башкирского, татарского языков с привлечением материала других языков весьма малочисленны и, как правило, продиктованы учебно-методическими целями. Выбор баскского языка как члена сравнения объясняется попыткой рассмотрения вероятности и тенденций фонетических процессов, схожих и специфических характеристик систем фонем обособленно развивающихся агглютинативных языков, степень генетического родства которых неизвестна.

Цель диссертационного исследования – описание, сопоставление вокалических, консонантных систем тюркских (на примере башкирского, татарского) и баскского языков в синхроническом, диахроническом аспектах; выявление особенностей, тенденций развития систем фонем башкирского, татарского языков в сопоставлении с историей систем фонем баскского языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) осуществить анализ научной литературы по обозначенной теме; 2) описать и сопоставить инвентарь фонем башкирской, татарской, баскской вокалических, консонантных систем в синхроническом и диахроническом планах; 3) рассмотреть и сравнить системы фонологических оппозиций, их развитие в башкирском, татарском и баскском языках; 4) проследить фонотактические ограничения в сопоставляемых языках; 5) проанализировать и сопоставить исторические изменения башкирских, татарских, баскских фонем (в начале, середине, конце слов и аффиксальных морфем) с применением праязыковых реконструкций; 6) установить наиболее существенные сходства (соответствия) и различия между исследуемыми системами в современном состоянии и развитии.

Объектом исследования являются фонемы в составе современных тюркских (башкирских, татарских) и баскских вокалических, консонантных систем.

Предметом исследования выступают исторические изменения фонем в составе вокалических, консонантных систем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков.

Научно-методологической базой исследования послужили научные концепции, представленные в работах отечественных и зарубежных лингвистов по общей, функциональной, сопоставительной,

типологической, сравнительно-исторической фонетике В.Д. Аракина, Л. Блумфильда, В.Б. Касевича, С.В. Кодзасова, В.Л. Котвича, О.Ф. Кривновой, А. Мартине, Г.И. Рамстедта, А.А. Реформатского, Б.А. Серебренникова, Ф. де Соссюра, С.А. Старостина, М.И. Стеблин-Каменского, А. Степонавичюса, Н.С. Трубецкого, Л.В. Щербы и др.

Также мы опирались на труды тюркологов А.М. Азнабаева, У.Ш. Байчуры, Н.А. Баскакова, Н.З. Гаджиевой, Т.М. Гарипова, Ж.М. Гузеева, Н.К. Дмитриева, А.В. Дыбо, Л.К. Ишкильдиной, Дж. Г. Киекбаева, М.З. Закиева, О.А. Мудрака, К.М. Мусаева, В.Ш. Псянчина, М. Ряснана, Х.Х. Салимова, Э.В. Севортяна, В.В. Радлова, Э.Р. Тенишева, Ф.Г. Хисамитдиновой, А.А. Чеченова, А.Г. Шайхулова, А.М. Щербака, А.А. Юлдашева и др., на работы башкирских и татарских диалектологов.

Работы М. Агуда, А.В. Архипова, Л.Н. Астрайна, Л.Л. Бонапарта, В. Гумбольдта, Х.А. Лакарры, Р. Лафона, А. Мартине, К. Мичелены, М. Морвана, Г.А. Нуждина, Х. Ортис де Урбины, Р. Рейка, К. Суасо, А. Товара, Р.Л. Траска, Х.И. Уальде, Х.К. Уленбека, Г. Шухардта, А. Эгурцеги и др. обозначили теоретические и методологические принципы анализа истории вокалических и консонантных систем баскского языка.

В диссертационной работе применен комплекс **методов исследования**, заключающийся в использовании: а) описательного метода; б) сравнительно-исторического метода – при анализе развития систем фонем башкирского, татарского языков в составе тюркской семьи и развития систем фонем баскских диалектов в составе баскского языка; в) сопоставительного метода – для сравнения эволюции башкирской, татарской и баскской вокалических и консонантных систем; г) типологического метода – при рассмотрении отдельных вопросов. В качестве исходного члена сравнения используются башкирский и татарский языки. Для характеристики отдельных фонетических явлений (долгие гласные, ротацизм-зетацизм и др.) используются примеры из других тюркских языков. Фонологическое описание базируется на установленных сведениях по фонологии и собственных терминах каждой из исследуемых систем.

Источниками и материалами диссертационного исследования послужили труды по фонетике, исторической фонетике, грамматике, этимологии башкирского, татарского и баскского языков. Отбор, подача и систематизация фонетического, лексического материала башкирского и татарского языков основаны на принципах, заложенных в соответствующих томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»¹. Древнетюркский материал (далее – ДТ)

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика. М.: Наука, 1984. 488 с.; Сравнительно историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 768 с.; Сравнительно историческая грамматика

приводится по «Древнетюркскому словарю»², пратюркские реконструкции – по соответствующим томам «Этимологического словаря тюркских языков»³ под авторством Э.В. Севортыяна и коллектива авторов, по публикации О.А. Мудрака «Развитие пратюркской системы фонем»⁴. Пратюркские (далее – ПТ) и праалтайские формы извлечены из «Этимологического словаря алтайских языков»⁵ С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака. Примеры из баскских диалектов (условно обозначенных как: С – общепоркский, А – аэсконский, В – бискайский, G – гипускоанский, HN – верхненаваррский, L – лабурдинский, LN – нижненаваррский, R – ронкальский, S – саларесский, Sout. – диалект Алавы, Z – сулетинский (зубероанский) и прабаскские реконструкции приводятся по «Этимологическому словарю баскского языка»⁶ Р.Л. Траска и по базе этимологических данных «STARLING»⁷ С.А. Старостина, в отдельных случаях – по «Исторической фонетике баскского языка»⁸ К. Мичелены. Используются двуязычные, толковые, диалектологические, этимологические словари исследуемых языков.

Для передачи материала башкирского, татарского языков используется латинская **транслитерация**. Фонемы в цитатах, баскские примеры в целом приводятся согласно источникам. Для обозначения фонем используются косые скобки, для графем – треугольные, для архифонем (выражающих общее в звучании двух или более коррелятивных фонем в отвлечении от тех их свойств, на которых основана корреляция) – фигурные, для транскрипции – квадратные.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые применен комплексный подход для анализа эволюции систем фонем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков, выявляющих сходство в ведущей типологической характеристике морфологического уровня (агглютинация), но степень генетического родства которых

тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.

² Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

³ Этимологический словарь тюркских языков: Общепоркские и межпоркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.; Общепоркские и межпоркские основы на букву «Ф». М.: Наука, 1978. 349 с.; Общепоркские и межпоркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.; Общепоркские и межпоркские основы на буквы «Ж», «К», «Й». М.: Наука, 1989. 292 с.; Общепоркские и межпоркские основы на буквы «К», «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.; Общепоркские и межпоркские основы на букву «Қ». М., 2000. 261 с.; Общепоркские и межпоркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 476 с.

⁴ URL: <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>.

⁵ <http://www.brill.com/etymological-dictionary-altaic-languages-3-vols>.

⁶ URL: http://www.academia.edu/2154989/Etymological_Dictionary_of_Basque_by_R_L_Trask_edited_for_web_publication_by_Max_W_Wheeler.

⁷ URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>.

⁸ *Michelena Koldo Elissalt*. Fonetica historica vasca. San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990. 596 p.

неизвестна. Системы фонем башкирского и татарского языков впервые рассматриваются в сопоставлении с системами фонем баскского языка в синхроническом и диахроническом аспектах. Впервые, с привлечением результатов исследований по фонетике, этимологии исследуемых языков, выявлены, описаны особенности и тенденции развития башкирской, татарской систем фонем и отдельных фонем в сопоставлении с исторической фонетикой баскского языка. Полученные результаты обоснованы рядами межъязыковых или междиалектных соответствий в каждой из систем.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что детальное сопоставление развития отдельных фонем, парадигматических и синтагматических изменений в башкирской, татарской, баскской фонетических и фонологических системах способствует теоретическому осмыслению системной организации исследуемых языков на фонетическом уровне, определению тенденций фонетических изменений. Диссертационное исследование вносит вклад в сравнительное описание и изучение истории звуковых и фонологических систем агглютинативных языков. Полученные результаты расширяют и дополняют знания по общей, сравнительной, исторической, тюркской, башкирской, татарской, баскской фонетике, типологии.

Обозначена проблема, подлежащая последующему исследованию: вопрос о происхождении тюркского начального полусонанта /j-/ , баскского глайда /j-/ в анлауте начальных форм синтетических глаголов не разрешим в фонологическом плане, в связи с чем изложена гипотеза о морфофонологическом противопоставлении инициальных и финальных фонем односложных корней в допратюркском и допребаскском языках.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что конкретные результаты и фактический материал диссертации можно использовать в исследованиях и преподавании курсов по общему, сопоставительно-типологическому, сравнительно-историческому языкознанию, при разработке, преподавании спецкурсов по фонетике, фонологии, морфонологии тюркских, башкирского, татарского, а также баскского языков. Наиболее значимые результаты анализа отражены **в положениях, выносимых на защиту:**

1. Установлены: а) специфика инвентаря вокалических систем башкирского и татарского языков в сопоставлении с баскским, заключающаяся в наличии гласных /i/, /ö/, /ä/, /ii/; б) различия в парадигматическом устройстве исследуемых вокалических систем (наличие оппозиций по ряду, подъему, огубленности в башкирском, татарском вокализме, оппозиций по ряду, подъему в баскском вокализме); в) наличие тенденции к опереднению гласных в исследуемых системах.

2. Определено, что для башкирской, татарской и баскской вокалических систем характерна относительная неподверженность редукции гласных в структуре корня с учетом нарушений регулярности соответствий.

3. Синтагматические изменения гласных фонем сильнее выражены в тюркских (башкирском, татарском) языках (сингармонизм, регулярные соответствия башкирских, татарских гласных в аффиксах) и частично проявляются в баскском языке (прогрессивная ассимиляция корневых и аффиксальных гласных в диалектах).

4. Выявлена специфика инвентаря консонантных систем башкирского и татарского языков в сопоставлении с баскским, заключающаяся в наличии заднеязычных смычных /ɣ/, q/, увулярной /ŋ/, тогда как специфика баскского консонантного инвентаря определяется оппозицией ламино-альвеолярного сибиланта <z>/s/, апики-альвеолярного сибиланта <s>/s/, наличием аффрикат /tʃ/[c], /tʂ/[čc], /tʃ/[č].

5. Определены сходства в парадигматическом устройстве и изменениях консонантных систем башкирского, татарского и баскского языков: а) предполагаемая утрата оппозиции сильных (напряженных) и слабых (ненапряженных) согласных; б) наличие корреляции по глухости-звонкости взрывных; в) отсутствие фонологически значимой оппозиции по палатальности-непалатальности.

6. Установлено, что согласные тюркских и баскской консонантных систем, относящиеся по месту или способу образования к одной группе, участвуют в исторических соответствиях (/r/ ~ /l/, /n/ ~ /m/, /b/ ~ /m/, /p/ ~ /b/, /k/ ~ /g/, /t/ ~ /d/ и др.). Подобная закономерность также проявляется в регулярных соответствиях башкирских, татарских переднеязычных фрикативов, особенностях реализации ПТ */ʒ-(j-)/ в башкирских, татарских корневых морфемах и реализации сибилантов, аффрикат, аспирации /h/, взрывных, начальной /j-/ в баскских диалектах.

7. В развитии башкирского, татарского и баскского консонантизма особое значение имеют ограничения на встречаемость согласных фонем (преимущественное употребление шумных в начальной позиции, сонантов */n, l, r/ – в срединной, конечной позициях в корневых морфемах), являющиеся одной из предпосылок: а) наличия моделей и изменений фонемных сочетаний (/lt-/ ~ /ld-/ , /nt-/ ~ /nd-/ , /rt-/ ~ /rd-/ , /nk-/ ~ /ng-/ и др.); б) тенденции к фрикативации срединных сонорных и их сочетаний с переднеязычными фрикативами.

8. Установлены сходства: а) в функционировании башкирских, татарских и баскских согласных фонем в структурно схожих и близких по семантике суффиксальных морфемах; б) в ассимиляции начальных взрывных фонем по глухости-звонкости в аффиксах (более выраженной в башкирском, татарском консонантизме). Баскские

фонемы, в отличие от тюркских, могут выступать в роли префиксальных морфофонема.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на международных и всероссийских научно-практических конференциях (Стерлитамак, 2012, 2013; Казань, 2012; Москва, 2013; Уфа, 2014, 2015, 2016; Махачкала, 2015). По результатам разных этапов диссертационного исследования опубликованы 22 печатные работы, из них 4 статьи – в журналах, входящих в список изданий, рекомендуемых ВАК. Материалы диссертации обсуждались на расширенном заседании кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования с участием членов кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, пяти таблиц, заключения, списка сокращений, условных обозначений, транскрипции, списка использованной литературы и источников, списка иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, охарактеризована степень разработанности проблемы, намечены цели, задачи, предмет, объект исследования, изложена методологическая основа диссертации.

Первая глава – «Теоретические и методологические основы изучения исторической фонетики тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков. Краткая история вопроса» – состоит из семи разделов. В *первом разделе* рассматриваются история, методология, основные понятия сопоставительно-типологических, сравнительно-исторических, фонетических исследований. Термин *фонетика* употребляется в широком смысле и включает фонологическую составляющую. *Фонема* определяется как исторически развивающаяся минимальная единица языка в смыслоразличительной функции.

Второй раздел посвящен истории изучения систем фонем тюркских, башкирского, татарского языков в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом аспектах, а также классификации тюркских языков. Особенности башкирской фонетики были рассмотрены Н.К. Дмитриевым, Дж. Г. Киекбаевым, А.А. Юлдашевым, а также в «Грамматике современного литературного башкирского языка» (1981). Реликтовые сочетания */lt, nt, rt, nk, ηq/* в башкирских говорах изучаются Ф.Г. Хисамитдиновой. Вопросам истории башкирского консонантизма посвящена диссертация Л.К. Ишкильдиной.

Фонетические явления в диалектах и говорах башкирского языка описаны в трудах Р.Ш. Алсынбаевой, Т.Г. Баишева, М.И. Дильмухаметова, Н.Х. Ишбулатова, Н.Х. Максютковой, С.Ф. Миржановой и др. диалектологов.

Исторические аспекты татарской фонетики, классификация татарских звуков, фонем исследуются в трудах Г. Алпарова, У.Ш. Байчуры, В.А. Богородицкого, Дж. Валиди, Л.З. Заляя, К. Насыри, Г.Ш. Шарафа, в первом томе «Татарской грамматики» (Происхождение языка. Фонетика. Фонология...) (1995) и др. Фонетические особенности татарских диалектов и говоров систематизированы Г.Х. Ахатовым, Р.С. Барсуковой, Ф.С. Баязитовой, Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой, Г.Х. Сунгатовым, Д.Г. Тумашевой, М.Р. Хабибуллиной и др. учеными.

Т.М. Гариповым выполнен сопоставительный анализ башкирской и татарской фонологических систем в синхроническом и диахроническом аспектах. В работах А.Г. Шайхулова, Н.У. Халиуллиной анализируется структура башкирских, татарских односложных корневых основ.

В *третьем разделе* рассматривается краткая история изучения тюркских языков в аспекте алтайской, урало-алтайской, ностратической гипотез.

Четвертый раздел посвящен истории изучения баскской фонетики в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом аспектах. Несмотря на многочисленные теории, происхождение баскского языка, развивающегося в окружении индоевропейских языков, остается неопределенным. В работах Л. Бонапарта впервые систематизированы баскские диалекты. Проблемы исторической фонетики разрабатывались такими учеными, как М. Агуд, Р.М. де Аскуэ, Г.К. Боуда, Р. Лафон, А. Мартине, А. Товар, Р.Л. Траск и др. Общепризнанным является исследование «Историческая фонетика баскского языка» (1959) К. Мичелены. Типологический подход к изучению баскской фонетики развивается в работах Х.А. Лакарры (2006). Фонологическую систему баскского языка описывают Х.И. Уальде (1991; 2007), А. Эгурцegi (2013).

В *пятом разделе* рассматривается история изучения тюркских и баскского языков в сравнительном аспекте. Г. Винклер (1914), признавая наличие сходств в лексике и аффиксальных морфемах, допускает наличие связи (но не генетической) между урало-алтайскими и баскским языками. М. Морван (1992, 1996) соотносит баскский язык с урало-алтайской семьей языков. Х.З. Кошай (1957; 1959) обратил внимание на тюркско-баскские, татарско-баскские параллели.

Шестой раздел содержит обзор отдельных сходств и различий на просодическом, морфологическом и синтаксическом уровнях между исследуемыми языками.

В *седьмом разделе* обозначены методы исследования и основные понятия, используемые в работе. При сопоставлении синхронных и диахронных срезов башкирской, татарской и баскской вокалических, консонантных систем (с использованием результатов реконструкций) соблюдены принципы системности с учетом функционального, структурного и субстантного факторов, учитывались условность сходства фонационных признаков сопоставляемых фонем, принцип разграничения хронологических уровней (предполагаемым временем распада пратюркского и прабаскского языков является рубеж эры). Под «сильными» и «слабыми» фонемами подразумеваются фонемы, различающиеся по напряженности артикуляции.

Вторая глава – «Развитие тюркского (башкирского, татарского) и баскского вокализма: сравнительно-сопоставительный анализ» – включает в себя 4 раздела. В *первом разделе* рассмотрены состав, особенности и дан краткий обзор пратюркской, башкирской и татарской вокалических систем. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» (2006) для пратюркского вокализма восстанавливаются фонемы **/a, i, o, u, e, i, ö, ü/* (для первого слога также – закрытые **/e, a/*, огубленные **/â, *ê/*) и дифтонги **/jô, jö, ja/*, противопоставление по долготе-краткости в первом слоге, для праалтайского языка – десингармонистическая система из пяти гласных **/i, e, u, o, a/*. По закономерности, открытой еще В.В. Радловым (1882), в башкирском и татарском языках общетюркские узкие гласные расширились: **/i/ > /e/, */ü/ > /ö/, */u/ > /o/*, а широкие сузились: **/e/ > /i/; */ö/ > /ü/, */o/ > /u/*. В «Грамматике современного литературного башкирского языка» (1981) и в первом томе «Татарской грамматики» (1995) определены девять исконных гласных фонем – переднего (*/i, ü, ö, e, ä/*) и заднего ряда (*/u, o, i, a/*). Для татарского языка характерно огубление фонемы */a/*. В абсолютном конце татарских лексем не представлены фонемы */o/* и */ö/*, в первом слоге башкирских лексем – фонема */i/*. С типологической точки зрения, башкирский и татарский вокализм представлен «кубической» системой гласных, описываемой тремя бинарными признаками: ряд (передний – задний), подъем (верхний – неверхний), лабиализация (лабиализованный – нелабиализованный).

Во *втором разделе* дана общая характеристика баскской и прабаскской вокалических систем. Согласно работам К. Мичелены и других баскологов, баскский и прабаскский вокалические системы представлены инвентарем из 5 гласных */i, e, a, o, u/* и так называемой парадигматической системой «треугольного» (центрально-ориентированного) типа; классифицируются по ряду (передний, центральный, задний), подъему (верхний, средний, нижний). В сулетинском диалекте получило развитие фонема */ü/* (< **/u/*). В большинстве диалектов выступают шесть дифтонгов */ai, ei, oi, ui,*

au/, поздний */eu/*. Для сулетинского и утратившегося ронкальского диалекта характерны носовые аллофоны гласных.

В **третьем разделе**, состоящем из четырех подразделов, рассмотрены особенности развития вокализма тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков. Нарушение регулярности соответствий гласных характерны для тюркских языков и баскских диалектов. При этом позиция гласной фонемы в структуре корневой морфемы (особенно – в первых, вторых слогах) весьма устойчива. Противопоставление долгих-кратких, фарингализованных-нефарингализованных гласных не представлено в современном состоянии исследуемых языков. Геминация гласных в отдельных баскских диалектах наблюдается при утрате интервокальной **/-n-/*: *har* (L, LN), *hār* (Z), *aar* (архаичное (далее – арх.) B, R), *ār* (R) < **anar* ‘червь’. Схожее явление характерно и для тюркских языков: башкирское (далее – башк.) *äre*, халаджское *hāri*, якутское *ijiria* < **a:ri* (< **aŋarig*) ‘пчела, оса’.

Фундаментальной структурно-типологической особенностью тюркских языков, определяющей их агглютинирующим типом, выступает сингармонизм. Р.Л. Траск и Х.И. Уальде отмечают ареальную (бискайскую, верхненаваррскую) гармонию гласных (*/a/* > */e/*: *ikas-i* [*ikesi*] ‘учить’, *izan* [*isen*] ‘быть’. Ассимиляция гласных отмечается в падежных показателях (*paate-tan* ‘на стенах’, *mendi-ten* ‘на горах’)⁹. Также наблюдается тенденция к гармонии гласных по лабиализации (прогрессивная и регрессивная ассимиляция): *zuzi* (B), *zūzū* (Z), *zuzi* (R) < **zuzi* ‘факел’; *irun*, *ürün* (Z), *urun* (R) ‘вертеть, прасть’.

В ряде примеров для башкирских, татарских (далее – БТ) корней характерно отсутствие конечных гласных, характерных для чувашских соответствий, например, БТ *ut*, чувашское (далее – чув.) *vidь*, *vudь* < **ot*, **ō'tā* ‘трава’; БТ *sik/çik*, чув. *čigə* < **čēkə* ‘граница’. Баскские корни имеют конечный (ауслуточный) гласный после смычных согласных (*ote* I (G, HN), *othe* (L, LN, Z), *ota* (B) < **ote* ‘вид растения, дрок’; *hegi* (Z), *egi* < **hegi* ‘край, граница’), но допустимы корни с конечными */n, l, r/*, сибилантами, аффрикатами.

Четвертый раздел посвящен сравнительно-сопоставительному анализу гласных фонем. Обнаруживаются регулярные соответствия праязыковых **/a, ā, a, ā/*, т. е. ПТ архифонемы **/{a}/*, и современных БТ фонем */a/* заднего ряда нижнего подъема во всех (начальной, срединной и конечной) позициях: БТ *awiδ/awiz* < **Agir* ‘пот’; БТ *baš* < **baš*, **bālč* ‘голова, начало’; БТ *ta, da*, башк. *da* < **da* ‘и, также’. Гласная фонема среднего (центрального) ряда */a/* достаточно устойчива в баскских диалектах: *aho* (L, LN, Z), *ao* (B, G, HN, R), *ago* (B, G, HN, R, Z) < **aho*, **aγo* ‘пот’; *hasi* (LN, L, Z), *asi* (B, G, R) < **haši*

⁹ Hualde José Ignacio. Basque Phonology. Routledge, 2007 (Revised 1991 edition). P. 43.

‘начинать’; *eta, ta* (С) < **eta* ‘и’. Наблюдаются сужение начальной, срединной /a/ в отдельных тюркских языках, изменение начальной /a- / > /e-/ в баскских диалектах.

Неогубленная фонема /ä/ переднего ряда нижнего подъема представлена в башкирском, татарском и в отдельных тюркских языках. БТ /ä/ возводятся к ПТ *{e}, *{a}.

БТ неогубленные фонемы /i/ переднего ряда верхнего подъема, как правило, установились в результате сужения ПТ *{e, ē}, (*{e, ē} в первом слог): БТ *iθän/isän* < **esen* ‘здоровый, живой’. Возможна различная рефлексация ПТ *{e} в башкирском и татарском языках (/e/ ~ /i/). Для сравнения, в чувашском анлауте ПТ *{e-} дает рефлекс /a-/ (подобное изменение наблюдается в баскском инлауте */-e-/ > /-a-/). Баскская фонема /i/ переднего ряда верхнего подъема в отдельных случаях является результатом изменения прабаскской (далее – ПБ) */e/: *izan* (С), *ixan* (В), *izen* (арх. В) < **e-izan-i* ‘быть’. Наблюдаются лабиализация баскской (далее – баск.) /i/ (~ /u/) в начале и середине слова, устойчивость в конце слова.

Специфическими по отношению к баскскому вокализму являются БТ неогубленные фонемы /i/ заднего ряда верхнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема, возводящиеся в большинстве случаев к ПТ */i, ī/. Татарская (далее – тат.) /-i-/ соответствует башк. /-a-/ в составе дифтонгоидных аффиксальных морфем: БТ *bar-maj/bar-mij* ‘не идет’. На наш взгляд, аффиксы принадлежности 3 л. БТ -i (сингармонические пары – БТ -e, башк. -o, -ö), выражающие одновременно и значение определенности (БТ *tüyan-i/tüyan-ī* ‘родственник его (ее), имеют типологическое соответствие в баскском постпозитивном определенном артикле -a, (баск. *lagun-a* ‘друг’ (в определенном значении)).

БТ неогубленные фонемы /e/ переднего ряда верхнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема являются результатом расширения ПТ */i, ī/: БТ *es-/eç-* < *iç- ‘пить’; БТ *ber* < **bir* (**bīr*) ‘один, некто, один и тот же’. Баскские лексемы неглагольной семантики, как правило, демонстрируют одинаковое развитие фонемы /e/ переднего ряда среднего подъема во всех диалектах: *esne* (HN), *ezne* (арх. В, Sout., арх. LN, R, S), *esene* (HN) < **e(z)ene*, **esende* ‘молоко, сок’; *bera* < **ber-* ‘сам, тот самый, одинаковый’. При этом баск. /i, e-/ не противопоставлены в анлауте синтетических глаголов. Имеются спорадические соответствия баск. /-e-/ ~ /-i-/ в инлауте.

В большинстве случаев БТ огубленные фонемы /u/ заднего ряда верхнего подъема возводятся к ПТ */o, ō/: (БТ *uŋ* < **oŋ* ‘правый, благоприятный’; БТ *juyari* < **joqari* ‘верх; высокий’; БТ *hul/sul* < **söl* ‘левый, обратный’), между тем в ряде башкирских слов сохраняется ПТ */u/. Баскская фонема /u/ заднего ряда верхнего подъема развивается одинаково в диалектах (кроме султинского) (*ugari* (В, G, HN) < **ugari* ‘многочисленный’; *itzuli*, *ützüli* (Z), *utzuli* (R) < **iculi*

‘возвращать, опрокидывать’). В сулетинском, реже в бискайском диалектах начальная и срединная /u/ в отдельных случаях возводятся к ПБ */o/ в позиции перед /n, ñ/: *on* (С, кроме Z), *hun* (Z) < **on* ‘хороший’. Конечные БТ -*ïü/-u* являются результатом выпадения ПТ */-y/ в части открытых слогов, а баск. /-u/ – результатом утраты прабаскских конечных сонорных в отдельных лексемах.

БТ огубленные фонемы /*ü/* переднего ряда верхнего подъема и баскская диалектная (сулетинская) /*ũ/* переднего ряда верхнего подъема имеют различное происхождение. БТ /*ü/* возводятся к ПТ */*ö, ð/*: БТ *ür-* < **ör-* ‘плести, прясть’; БТ *bürek* < **börk* ‘шапка’, между тем фиксируется соответствие тюркских /*ü/* ~ /*u/*. Сулетинская /*ũ/* восходит к ПБ */*u/* в части лексем (баск. *irun, ùrùn* (Z), *urun* (R) ‘вертеть, прясть’; *buru* (С, кроме Z), *bũ(r)ũ* (Z) < **buru* ‘голова’). Наблюдаются случаи делябиализации тюркской /*ü/* и баскской /*ũ/*. БТ аффиксы -*eü/-ü* выступают сингармоническими парами -*ïü/-u* в формах глагола.

БТ огубленные фонемы /*o/* заднего ряда нижнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема возводятся к ПТ */*u, ũ/*: БТ *odon/ozin* ‘длинный’ < **uñi-n, *uñ-a-k* ‘длинный, далекий’; БТ *tor-* < **dur-* ‘стоять, жить’. Баскская фонема /*o/* заднего ряда среднего подъема устойчива в диалектах (*osin* (С), *hosin* (Z) < **hosin* ‘море, бездна’; *torri* (B, G, HN, L), *ethorri* (L) < **e-tor-* ‘приходить, происходить’); в единичных случаях является рефлексом ПБ */*u-/*; наблюдается спорадическое соответствие диалектных /-*o-/* ~ /-*u-/*.

БТ огубленные фонемы /*ö/* (< ПТ */*ü, ù/*) нижнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема специфичны для тюркских (башкирского, татарского) языков. В отдельных случаях анаутные БТ /*ö-/* установились в результате изменения ПТ */*o-/*. В сулетинском диалекте баскского языка отсутствует /*ö/*, ввиду слияния с /*ü/*.

Итак, обзор рядов исторических соответствий башкирских, татарских и баскских гласных выявляет их относительную устойчивость в структуре корня с учетом нарушения регулярности соответствий гласных ввиду нефонематичности ударения; тенденцию к опереднению; процессы лабиализации-делябиализации; отсутствие противопоставления по долготе-краткости, по наличию или отсутствию назализации в современном состоянии и другие закономерности.

Третья глава – «Развитие тюркского (башкирского, татарского) и баскского консонантизма: сравнительно-сопоставительный анализ» – состоит из шести разделов. В *первом разделе* дается общий обзор консонантных систем и фонотактических особенностей башкирского, татарского и пратюркского языков. В «Грамматике современного литературного башкирского языка» (1981) предложена система из 24 исконных согласных фонем: /*b, g, γ, d, <z>ð, <ж>з, z, j, k, q, l, m, n, η, p, r, s, <ç>θ, t, <y, y >/y, w/, <u>š, f, x, h/*. Для современного татарского языка в «Татарской грамматике»

(1995) классифицируются 25 исконных фонем /b, p, w, m, f, d, t, s, <ч>ç, <и>š, z, <ж>ž, <ю>ž, l, r, n, j, g, k, q, γ, x, η, h, '/. Для татарского языка специфичны фрикативы /ç, ž/, для башкирского – переднеязычные апикальные фонемы /δ, θ/.

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» (2006) для пратюркского консонантизма непосредственно перед распадом пратюркской общности реконструируются фонемы */p', b-, p, v, m, t, t', δ, n, d, s, r, ř, ć', ź-, ć,ń, j, l, t, k, k', γ, η, q', q/ и последующее совпадение сильных и слабых согласных. В «Этимологическом словаре алтайских языков» (2003) представлены ПТ */p, b, -m-, t, d, s, -n-, -r-, -l-, č, j,ń-, -ř-, -ĺ-, k, g, -η-/.

Тюркологами предполагаются ограничения на встречаемость пратюркских согласных (в анлауте возможны только смычные (и спирант s), в ауслауте – сонорные). Анализ словарей показывает, что слова с начальными смычными /b-, q-, k-, t-/ ,щелевыми /j-/ž-(j-), s-/ç-, h-/s-/ составляют значительную часть лексики башкирского и татарского языков. Дифференциальными признаками башкирских, татарских согласных являются сонорность, смычность (огубленность, язычность), щелинность. Коррелятами по звонкости-глухости выступают взрывные (БТ /p/ – /b/, /q/ – /γ/, /k/ – /g/, /t/ – /d/) и фрикативы (башк. /θ/ – /δ/, (/s/ – /z/), тат. /s/ – /z/, /ç/ – /ž/).

Второй раздел посвящен описанию баскской и прабаскской консонантных систем и фонотактических особенностей. Для современного общепризнанного консонантизма характерны глухие смычные /p, t, k/; звонкие смычные /b, d, g/; глухие фрикативы /f/, <s>/s/, <z>/z/, <x>/x/, /h/; глухие аффрикаты <ts>/tʃ/, <tz>/tʃ/, <tx>/tʃ/; назальные /m, n/, <(i)n, ñ>/ń/; сонорные /l/, <(i)l, ll>/ł/, <r>/r/, <rr>/R/, глайды <j/i>/j/, <u>/w/¹⁰. К. Мичелена реконструирует систему, состоящую из сильных */(p), t, k, c, ć, N, L, R/) и слабых */(b, d, g, <z>s, <s>š, n, l, r/) согласных¹¹, при этом для анлаута восстанавливаются только слабые согласные. Противопоставление сильных и слабых согласных утрачено в современном состоянии (кроме оппозиции интервокальных /r-/ – /-R-/). Не восстанавливаются фонемы /f, j, x/. Палатальные <tt, dd, tx, x, ñ, ll> употребляются в лексемах с уменьшительно-выразительным значением, автоматическая палатализация происходит после гласной /i/.

Третий раздел посвящен анализу истории сонорных фонем. В **первом подразделе** рассматриваются протетические звуки в тюркских языках, башкирский фарингальный спирант /h/, баскская аспирация (придыхание, ларингальный глухой фрикатив) /h/. Анлаутная /h-/ является рефлексом ПТ */s-/ в башкирском, якутском

¹⁰ URL: http://www.academia.edu/10049444/Towards_a_phonetically_grounded_diachronic_phonology_of_Basque_Thesis.

¹¹ *Michelena Koldo Elissalt*. Fonetica historica vasca. P. 374.

языках, рефлексом ПТ */g-/ – в тофаларском языке. Дialeкты баскского языка обнаруживают анлаутное соответствие /h-/ ~ /g-, k-/ ~ [0-]. Срединная /-h-/ в говорах башкирского языка является результатом развития ПТ */-s-/, реже – */-ř-/¹². Баскская интервокальная /-h-/ возводится к ПБ */-n-/¹³, реже – к */-h-, -y-/. Конечная /-h/ не функционирует в баскском ауслaute. В целом, фрикатив /h/ в тюркских и баскском языках характерен для окраинных языков (диалектов) и имеет сложную этимологию.

Во *втором подразделе* в четырех пунктах рассматриваются БТ фонемы /j/ в сопоставлении с баскским палатальным смычным глайдом /j/. Палатальная смычная */ǰ-/¹² (плавный сонант */j-/¹³) реализовалась в современных тюркских /ǰ-, ǰ-, ċ-, s-, d-, j-, h-/, [0] и башк. /j-/, башк. диалектных /ǰ-, ǰ-, z-/, реже – /d-, s-, ř-/¹³, тат. /j-, ǰ-/¹³, тат. диалектных /ǰ/[dǰ]. По исследованиям К. Мичелены, Р.Л. Траска, баскская анлаутная /j-/ возводится к префиксу *e- в начальных формах синтетических глаголов (в спряжении которых морфофонемы /n-, h-, ř-, g-, d-/ выступают показателями лица) и реализуется в диалектных /j-/ ~ /d-/ ~ /tʃ-/ ~ /f-/ или [j ~ ʒ ~ dʒ ~ j ~ j ~ f ~ χ], в лексемах неглагольной семантики считается заимствованием. В сопоставляемых системах прослеживается определенная связь между /j-/, сонантами, переднеязычными и /h-/. Выдвигается гипотеза о морфонологическом противопоставлении инициальных смычных и финальных сонорных фонем односложных корней в допратюркском и допобаскском языках, позволяющая объяснять неустойчивость анлаута, наличие парных конструкций, ограничений на употребление фонем в анлауте и ауслaute.

В середине слова БТ /j/ рассматриваются как часть цепочки межтюркских соответствий /-j-/ ~ /-d-/ ~ /-t-/ ~ /-z-/ ~ /-δ-/ ~ /-r-/ и возводятся к ПТ */-j-, -δ-, -d-/, реже – к */-ñ-, -η-, -b-, -g-/. В гипускоанском и верхненаваррском диалектах общепобаскская срединная <dd>[d] отражается как [j]. Наблюдаются междиалектные соответствия баскских интервокальных /-d-/ ~ /-r-/ ~ /-j-/ ~ /-f-/¹³; палатализация срединной /-g-/ с реализацией в диалектах как [ʃ], [j], [dʒ]. Таким образом, соответствия срединной /-j-/ и сонорных, смычных, фрикативных фонем характерны для исследуемых систем. Прослеживаются соответствия конечных ДТ /-j/ ~ /-n/ и баск. /-i/ (арх.) ~ /-n/.

В *третьем – седьмом подразделах* анализируются сонорные фонемы в исследуемых системах. Переднеязычный смычный альвеолярно-небный носовой сонант /n/ не типичен для тюркского анлаута. Баскские лексемы с начальным апиико-альвеолярным назальным сонантом /n/ (< ПБ */n, N/) немногочисленны. Фонема /n-/ устойчива в

¹² URL: <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>.

¹³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. С. 10–11.

анлауте башкирских, татарских и баскских вопросительных местоимений (БТ *ni*, ср. хакасское *nō* < **nē*- ‘что, какой’; баск. *no-*, *ni* (Z) < **no-* ‘кто’). В отдельных тюркских языках и баскских диалектах происходит утрата /*n*/ в интервокальной позиции, в позиции перед фрикативами и аффрикатами. Изменение /-*n*-/ > /-*m*-/ перед губными в речи характерно для исследуемых систем (БТ *unber* [*umber*] ‘одинадцать’; баск. *enbor* [*embor*] ‘бревно’).

Увулярный смычный носовой сонант /*ŋ*/ не встречается в башкирском, татарском анлауте. Наблюдаются спорадическая йотизация интервокальной БТ /-*ŋ*-/ после гласной /*i*/, соответствие БТ /*ŋ*/ ~ /*n*/ в баскском языке отсутствует увулярная назальная фонема. Между тем, как и в башкирском, татарском языках, происходит увуляризация сочетания /*ng*/[*ŋg*]. ПТ */*ń*/, восстанавливаемая по древнетюркским источникам, реализовалась в БТ /*j*/ или утратилась. В баскском языке функционирует палатальная назальная /*ñ*/ <*ñ*/in> – рефлекс ПБ */*n*/ в позиции после гласной /*i*/ и в начале слов отдельных баскских диалектов. Баск. */*ń*/ реализуется в диалектных /-*h*-/ ~ /-*i*-/ ([-*ĩ*-]) в сочетании с гласными переднего ряда, неустойчива в конце слова.

Смычно-щелевая альвеолярно-небная плавная фонема // не характерна для анлаута башкирских, татарских исконных лексем, с чем связаны тенденция к «протезированию» анлаутной /*l*-/, сдвиг в C₂ в заимствованиях. В баскских диалектах функционируют апиго-альвеолярный латеральный сонант // и палатальный латеральный сонант <(i)ll>/*l*/ (в начале слова – ограниченно); характерна утрата предшествующих согласных перед // в заимствованиях. В исследуемых системах срединные /-*l*-/ могут утратиться в позиции перед переднеязычными согласными. Соответствие /-*l*-/ ~ /-*r*-/, прослеживаемое в среднеазиатских тюркских языках, характерно и для баскских диалектов.

Большинство тюркологов реконструируют палатальную */*l̥*/ по чувашским данным, срединную и конечную БТ /*š*/ возводят к ПТ */*l̥*/, *l̥c*/ (БТ *jäšen* < */*jal̥*(*č*) ‘молния’). С.А. Старостин реконструирует палатальную */*l̥*/ для ряда баскских корней. Возможно спорадическое соответствие баскских срединных <ll, il>/*l*/ ~ <x>/[*ʃ*], [tʃ]/[*č*] (*ilinti*, *ilindi*, *iliti*, *ileti*, *itxindi* (L, LN), *itxendi* (LN) ‘головня’).

Дрожащий небно-альвеолярный сонант /*r*/ и его аллофоны нетипичны для общетюркского и баскского анлаута, в заимствованиях наблюдаются протетические гласные перед /*r*/. Для пратюркского состояния восстанавливаются дрожащий */*r*/ и палатальный */*ř*/. В баскских диалектах функционирует одноударный (хлопок) /*r*/ (< ПБ */*r*/) и многоударный (вибрант) <*rr*>/*R*/ (< ПБ */*R*/), противопоставление которых имеет место в интервокальной позиции и подтверждено утрате. БТ /*r*/ и баскские /*R*, *r*/ обладают относительной устойчивостью в середине и начале слова (БТ *qoros/qorič* < **q*(*')**urč*(*')*ə

‘сталь’; БТ *sere-/çere-* < *çer- ‘гнить’; БТ *ir* < *ēr ‘мужчина’; баск. *gorri* (С) < *goR- ‘красный’; *hiro* (L, Z), *iro* (B, G) < *hiro ‘гной’; *ar* (Z) < *ar ‘мужчина’), в аффиксах (ср. БТ *-lar*, *-lār* (множественное число, в этнонимах): *öfö-lār/ufa-lar* ‘уфимцы, жители Уфы’; баск. *-ar*, *-tar* (в этнонимах): *bilbo-tar* ‘житель Бильбао’), участвуют в соответствиях /r/ ~ /l/, /r/ ~ /d/, подвержены выпадению перед другими согласными.

Рефлексами ПТ */r/ являются тат. /z/, башк. /δ/: БТ *qiðil/qizil*, ср. чув. *xërle* < *Kř- ‘красный’; БТ *ið-/iz-*, чув. *ir-* < *er- ‘мять’. Ряд случаев тюркского ротацизма представлен производными словами. В баскских диалектах происходят утрата /r/ перед /s̺, s̺, t̺, t̺/ и качественное изменение сибиланта или аффрикаты (/rs̺/ > /s̺/): *ertsi* (L, LN, Z, HN), *hetsi* (L, LN), *hesi* (L, LN, Z), *itsi* (арх. B, Sout), *itxi* (B, G) < *hertsi ‘сжимать’; спорадические соответствия {-r-} и сибилантов (аффрикат).

Таким образом, башкирские, татарские и баскские сонорные характерны для позиции С₂, подвержены ассимиляции перед переднеязычными; активно функционируют в аффиксах. Преобладают соответствия с участием других сонорных и переднеязычных согласных

Четвертый раздел посвящен анализу развития башкирских, татарских переднеязычных фрикативов (щелевых), баскских фрикативов (сибилянтов), аффрикат. В баскском языке функционируют глухой ламинально-альвеолярный фрикатив <z>/s̺/, глухой апикально-альвеолярный фрикатив <x>/ʃ/ и соответствующие глухие аффрикаты <tz>/t̺s̺/[c], <ts>/t̺s̺/[č], <tx>/t̺ʃ/[č̣]. Для прабаскского состояния баскологи восстанавливают */s̺, s̺, -t̺s̺, -t̺ʃ/.

Тюркским и баскским фрикативам, аффрикатам свойственны исторические переходы внутри группы (БТ /s/ рефлексировать от разных источников (*s̺/, */č/); произошло слияние ПТ */č, s/ (башк. /s, θ, h/) в караидельском говоре; а в отдельных баскских диалектах наблюдается конвергенция (слияние) ламинальных и апикальных /s̺/ и /s̺/, /t̺s̺/ и /t̺ʃ/). Характерна гармония сибилантов, баскские лексемы могут содержать только ламинальные (/s̺, t̺s̺/) или только апикальные звуки (/s̺, t̺ʃ/): *sinetsi* < арх. *zinetsi* ‘истина’. Тенденция к гармонии переднеязычных фрикативов прослеживается в башкирском и татарском языках, ср. БТ *säs/çäç* < *sač ‘волосы’.

Татарской однофокусной зубно-небной фонеме /s/ (< ПТ */s/) соответствует башкирская фарингальная фонема /h/ (в диалектах – /θ/) в анлауте, в остальных позициях – переднеязычная плоскощелевая глухая фонема /θ/ (в башкирских диалектах – /h/): БТ *hiu/su* < *sib ‘вода, река’; БТ *eθe/esse* < *isig, *isig ‘горячий’; БТ *iθ-/is-* < *ebi-s- ‘веять’. Заметим, что стандартно-тюркской /s/ соответствует чувашская палатальная /s̺/. Характерна палатализация баскской начальной /s̺-/ в уменьшительно-экспрессивной функции: /s̺-/ > /f-, t̺f-/. Баск. /s̺-/ в целом более

устойчива. В ряде случаев произошла конвергенция и палатализация баскских срединных /-ʃ-, ʒ-/ в диалектах: *suri* (B, G, HN, L, LN, Z), *ixuri*, *usuri* (R), *esuro* (арх. B) < **e-sur-i* ‘лить(ся)’; *izeki*, *iexeki* (арх. LN), *exeki* (арх. B, R, S) < **e-ze-ki* ‘жечь’. Баскские сибиллянты редко употребляются в ауспауте.

Пратюркская аффриката */č/ отражается как двухфокусная глухая фонема /ç/ в татарском языке, как аффриката /c/ – в его мишарском диалекте и как фонема /s/ – в башкирском языке во всех позициях (БТ *sibiq/çibiq* < *čip ‘ветка’; БТ *kese/keçe* < *kičük ‘молодой, младше’; БТ *ayas/ayaç* < *i-(ñ)gač ‘дерево’). Баскские аффрикаты не восстанавливаются для начала слова, кроме десятка лексем с */č-/ (<tf->) (по версии С.А. Старостина); активно функционируют во всех позициях: *txaraka* (B), *txara* (G), *xara* (HN, LN, L) < *čara ‘кустарник’; *zuhaitz* (L, LN), *zugatz* (B, G), *zuatz* (B, G) ‘дерево’ < *haice (в названиях деревьев). Прослеживаются междиалектные соответствия /tʃ ~ tʃ/; /tʃ/ ~ /tʃ/ ~ /tʃ/; /tʃ/ ~ /tʃ/; явление дезаффрикатизации. В отдельных случаях аффрикаты являются результатом палатализации интервокальной /-t-/: *guti* (C, кроме Z), *gutti* (L, LN), *gutxi* (G, HN), *gitxi* (B) < *guti ‘маленький’.

БТ переднеязычные двухфокусные твердонебные глухие фрикативные фонемы */š/ не реконструируются для пратюркского языка. В отдельных случаях башкирская /š-/ выступает как рефлекс ПТ */s-, č-, ž-/. БТ /s/ (< ПТ */š/) совпадают в срединной и конечной позициях. Баскский глухой небо-альвеолярный фрикатив <x>/ʃ/ является рефлексом ПБ */š/ в экспрессивной лексике.

В башкирском и татарском языках однофокусная звонкая фонема /z/ в начале слова является индикатором заимствованных лексем. Татарской /z/ (< ПТ */ř/) в середине и конце слова соответствует башкирская переднеязычная плоскощелевая звонкая /ð/ (< ПТ */ř/). Для общебаскского консонантизма нетипичны звонкие фрикативы и аффрикаты (кроме сулетинского диалекта); их звонкие аллофоны выступают в позиции перед звонкими согласными.

Итак, переднеязычные фрикативы в сопоставляемых системах представлены глухими фонемами (кроме более поздних тат. /z/, башк. /ð/ и звонких аллофонов или диалектных звонких пар в баскском языке), более поздними палатальными шипящими фонемами. Аффрикаты широко представлены в баскском языке. В ряде случаев близкие по семантике башкирские, татарские и баскские аффиксальные морфемы, содержащие фрикативы (и аффрикаты в баскском), имеют схожую структуру: БТ *-sil/-çi*, *-se/-çe* (ср. ДТ *-çï*, *-çin*, *-çir*, *-çan*) (деятель); БТ *eš* ‘работа’, БТ *eš-se/eš-çe* ‘работник’, ср. ДТ *ud*, *ud* ‘корова’, ДТ *ud-çï* ‘пастух’; баск. *-zain*, *-zai* (деятель): *ardi* (C), *art-* < *ardi ‘овца’, *art-zain* (B, L, LN, Z), *art-zāi* (арх. B) ‘пастух’.

В **пятом разделе** анализируются смычные (взрывные) фонемы и их развитие в башкирском, татарском и баскском языках. **В первом**

подразделе рассмотрены перебой начальных гласных перед баскскими смычными; отдельные морфонологические явления на стыке морфем.

Второй подраздел посвящен губным смычным. Начальная губно-губная глухая фонема /p/ используется в ограниченном количестве татарских лексем и соответствует башкирской /b-/: БТ *beš-/peš-* < *bīš-, *piš- ‘вариться’. Отдельные ученые не восстанавливают ее для праторского анлаута. Тюркский материал указывает на соответствие /p-/ ~ /b-/ ~ /m-/. Глухой билабиальный смычный /p/ для прабаскского языка восстанавливается С.А. Старостиным; обнаруживаются соответствия /p-/ ~ /ph-/ ~ /b-/ (*bertz* (HN, R, Z), *pertz* (HN, G, R), *phertz* (L) < **perc* ‘котел’), реже – /m-; f-; [0]; В середине слова ПТ */-p-/ реализуется в БТ /-b-/, спорадически – в башк. /-p-/ ~ тат. /-f-/, в отдельных тюркских языках – как /-v-, -m-/. Баск. /-p-/ довольно устойчива; имеются соответствия /-p-/ ~ /-ph-, -m-/, реже – /-b-, -f-/. В целом, изменения происходят в пределах групп губных согласных. Конечная /-p/ свойственна для башкирского, татарского ауслата, баскской экспрессивной лексики.

В исследуемых системах отслеживаются устойчивость губно-губных (билабиальных) звонких фонем /b/ в начале (БТ *bejä/bijä* < **bEje* ‘кобыла’; баск. *behor* (L, LN), *beor* (B, G, HN, S), *bóhor* (Z), *beur* (R) ‘кобыла’), середине слова; отсутствие в современном ауслате. Соответствия /b-/ ~ /p-, m-/ выявляются в тюркских и баскском языках, диалектах: БТ *bor-*, чув. *pъ^wr-* < **bur(a)-* ‘вертеть, поворачивать’; БТ *min*, ДТ *ben* < **bę-* ‘я’, ср. баск. *behi* (L, LN), *pei* (HN) < **be[h]i* ‘корова’; *biur* (B, G, HN), *bühür* (Z), *mur* (R) < **bi[h]ur* ‘скручивать’. Соответствия срединных /-b-/ ~ /-m-, -p-, -f-, -w-, -j-/ наблюдаются в тюркских языках, башкирских, татарских диалектах; соответствия /-b-/ ~ /-p-, -f-/ – в баскских диалектах. Спирантизация интервокальной /-b-/ происходит в диалектах башкирского и баскского языков.

БТ губно-губные носовые сонанты /m/, по мнению большинства тюркологов, в начале слова возводятся к ПТ */-b-/ (преимущественно при наличии последующей *n*): БТ *men-* < **bün-*, **bīn-* ‘взбираться’. К. Мичелена и Р.Л. Траск реконструируют фонему */-b-/ в лексеме с начальным губно-губным носовым сонантом /-m-/ (*mendi* (C) < **bendi* ‘гора’). Срединная /-m-/ весьма устойчива. В отличие от БТ /-m/, конечная /-m/ не функционирует в баскском ауслате.

В башкирских и татарских аффиксах наиболее часто употребляется фонема /m/, в баскских аффиксах – /b/; в парных словах имеет место *m*-редупликация.

В **третьем подразделе** рассматриваются башкирские, татарские и баскские переднеязычные смычные. Глухая переднеязычная смычная фонема /t/ устойчива в башкирском, татарском анлауте и ауслате, возводится к ПТ */-t/, а в ряде лексем – к ПТ */-d/: БТ *tānre* < **teŋri*, **taŋri* ‘Бог, небо’; *tamsi/tamçı* < **dam* ‘капля’. Для прабаскского консонантизма К. Мичелены и Р.Л. Траском реконструируются сильная апики-

дентальная смычная */-t-/ (для инлаута) и слабая */d-/ (для анлаута). С.А. Старостин восстанавливает начальную ПБ */t-/: *thini* (LN, Z) < **tini* ‘высший’; *tanto* (G), *ttantto* (G) < **tanga* ‘капля’. Изменения начальной, срединной /-t-/ в исследуемых системах представлены процессами озвончения, фрикатизации (аффрикатизации – в баскском). Латинская анлаутная /t-/ в баскских заимствованиях может реализоваться как /l-/. Сопоставляемым системам свойственны исторические соответствия глухих и звонких сочетаний согласных /-lt-, -nt-, -rt-/ и /-ld-, -nd-, -rd-/.

Переднеязычная звонкая фонема /d/ в башкирском, татарском языках и апиико-дентальная звонкая /d/ в баскском языке характерны для анлаута ограниченного количества лексем и не представлены в конце слова. Тюркологами предполагается оглушение ПТ */d-/ в кыпчакском анлауте. Татарской интервокальной /-d-/, возводимой к ПТ */-t-/ (/d-/), как правило, соответствует башкирская /-δ-/: БТ *ađim/adim* < **āt-*, **a:đim* ‘шаг’. Баскская /-d-/ характерна для интервокальной позиции (*adar* (C) < **adar* ‘рог, ветка, ножка (мебели)’), в интервокальной позиции и после других согласных (кроме /n, l/) реализуется как щелевая [ð], имеются соответствия /-d-/ ~ /-r-/ (*edan* ~ *eran* ‘пить’).

Смычные /t/ и /d/ широко представлены в начале и конце башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфем.

В четвертом подразделе анализируется развитие среднеязычных и заднеязычных смычных фонем. БТ среднеязычные глухие фонемы /k/ активно функционируют в словах с гласными переднего ряда, возводятся к ПТ */k/ (БТ *keše* < **kili* ‘человек’). Постдорсальная фонема */k/ для прабаскского анлаута не восстанавливается Р.Л. Траском. В тюркских (в условии сандхи – в башкирских, татарских говорах) и баскских диалектах возможно озвончение анлаутной /k-/, фрикатизация или аффрикатизация. В башкирском и татарском консонантизме отмечаются случаи озвончения или утраты срединной /-k-/. Баскские диалекты демонстрируют аспирацию /-k-/ ~ /-kh-/, в единичных случаях – соответствия /-k-/ ~ /-g-, b-/. В отличие от БТ /-k/, фонема /-k/ не характерна для ауслота баскских корней.

Вопрос о фонологическом статусе глухой увулярной фонемы /q/ в пратюркском состоянии является спорным. Фонема /q/ употребляется в башкирских татарских лексемах с гласными заднего ряда, отсутствует в мишарском диалекте татарского языка, огузских языках; не свойственна для баскского консонантизма. Обнаружены соответствия БТ /q-/ ~ /b-/ в семантически обособившихся лексемах, парных словах, диалектизмах (например, башк. *qirt* ~ башк. диалектное *birt* ‘резкий, грубый’, ср. БТ парное *qirt-mirt* ‘резко, грубо’).

БТ среднеязычные звонкие фонемы /g/, в отличие от фонемы /g/ в огузских языках, употребляются в анлауте ограниченного количества слов. ПТ */g-/, как правило, реализуется в БТ /k-/. Палатально-преддорсальная звонкая фонема */g/ характерна для баскского и прабас-

кского анлаута (*gizon* (С, кроме Z), *gixon* (В, G) < **gizon* ‘мужчина, человек’); наблюдаются соответствия /g-/ ~ /k-/. В тюркском и баскском консонантизме может происходить аффрикатизация начальных /g-/. Прослеживаются соответствия баскских диалектных /g-/ ~ /b-, d-, j-, [0]. Срединная /-g-/ в башкирском, татарском языках подвержена йотизации. В баскских диалектах не исключены утрата интервокальной /-g-/, спонантизация. Не свойственна для ауслота рассматриваемых языков.

БТ увулярные звонкие фрикативные фонемы /y/ характерны для слов с гласными заднего ряда и анлаута звукоподражательной, заимствованной, диалектной лексики. Фонема /y/ отсутствует в мишарском диалекте татарского языка, огузских языках. Срединная ПТ */-y-/ > /-w-/ отражается в БТ /-u-, -j-/: БТ *awil* < **ayil* ‘селение’. С.А. Старостин реконструирует срединную фонему */-y-/ в ограниченном количестве баскских лексем (*-/h-/ по Р.Л. Траску): *ohe* (L, LN), *oe* (B, Sout., арх. G, HN), *oi* (B, G, R), *obe* (HN), *ofe* (LN), *oge* (B, G, L) < **oye*, **ohe* ‘кровать, постель’), что позволяет предполагать изменения */-y-/ > /-g-, -b-, -f-, -i-, [0]. Конечная ПТ */-y/ реализуется в БТ /-u/.

Башкирскому и татарскому языкам свойственны сингармонические варианты аффиксов с начальными среднеязычными и заднеязычными смычными. Например, БТ *-qï*, *-ke*, *-yï*, *-ge* (в относительных прилагательных со значениями времени и места): БТ *es-ke/eç-ke* ‘внутренний’; БТ *al-yï* ‘передний’. Баск. /k-/ > /g-/ после /-l-, -n/, например, в показателе локативного генитива *-ko*: *mendi-ko* ‘находящийся в горе’, *Brasil-go* ‘находящийся в Бразилии’. Аналогичные изменения характерны для БТ /t-/ и баск. /t-/ в аффиксах.

В **шестом разделе** рассматриваются особенности развития исследуемых систем с учетом реконструкций, фонотактики.

В кратких выводах по третьей главе обобщены достигнутые результаты. В истории консонантизма сопоставляемых систем особую роль играли процессы фрикатизации, переходы внутри групп по месту или способу образования. Эти и другие изменения обусловлены гармонией звуков, морфонологическими процессами на стыке фонем, существованием ограничений на встречаемость согласных и другими явлениями. Консонантные системы башкирского, татарского языков характеризуются наличием систематических исторических изменений, тенденцией к йотизации. Специфика развития баскского консонантизма заключается в наличии процессов аффрикатизации, палатализации, в утрате интервокальной /-n-/ и др. явлений.

В **заклучении** подводятся общие итоги исследования. Башкирский, татарский и баскский языки, относящиеся к агглютинативному типу по морфологической классификации, имеют ряд сходств на фонетическом, также морфонологическом уровнях. Существенными схожими характеристиками сопоставляемых систем и

их эволюции являются: фонемный строй, достаточно развитые подсистемы вокализма и консонантизма, относительная устойчивость гласных в структуре корня, противопоставление согласных по шумности-сонорности, корреляция по звонкости-глухости в современных состояниях, исторические соответствия согласных в пределах групп по месту или способу образования, сходства в моделях и изменениях фонемных сочетаний, фонотактических ограничениях. Выявленные различия (в инвентаре фонем, фонологических оппозициях, особая роль тюркского сингармонизма, функционирование баскских фонем в префиксальном спряжении глаголов и др.) определяют их специфические черты. Перспективными могут являться исследования с применением типологического метода к результатам диссертации.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

**Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных
журналах, определенных ВАК при Минобрнауки РФ**

1. Сулейманова, Д.Д. Некоторые тюркско-баскские соответствия (на примере татарского и башкирского языков) / Д.Д. Сулейманова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 3 (1). – Т. 17. – С. 1577–1578.
2. Сулейманова, Д.Д. О фонеме /R/ в тюркско-баскских соответствиях / Д.Д. Сулейманова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2 (44). – С. 285–291.
3. Сулейманова, Д.Д. Фонема *ŋ* в тюркско-баскских соответствиях / Д.Д. Сулейманова // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – 2014. – № 4 (72). – С. 216–221.
4. Сулейманова, Д.Д. Типология тюркских (на примере татарских и башкирских) и баскских фонологических систем / Д.Д. Сулейманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (48): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 166–168.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

5. Сөләйманова, Д.Д. Төрки һәм баск телләрендәге ностратик уртаклыклар (татар һәм башкорт телләре мисалында) (Сходства ностратического характера в тюркских (на примере татарского и башкирского) и баском языках) / Д.Д. Сөләйманова // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Стерлитамак, 24–26 мая 2012 г.). – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2012. – С. 250–251.

6. Сулейманова, Д.Д. К вопросу о начальных согласных *p, b, m, w* (на примере татарских/башкирских и баскских соответствий) / Д.Д. Сулейманова // Система непрерывного образования: школа – педколледж – вуз: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной юбилею профессоров Т.Д. Шабановой и Т.Л. Селитриной (Уфа, 25 апреля 2012 г.). – Вып. 11. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. – С. 183–186.

7. Сулейманова, Д.Д. Татарские, башкирские и баскские соответствия в послелогох / Д.Д. Сулейманова // Современный перевод: лингвистические и историко-культурные аспекты: сборник трудов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 9 ноября 2012 г.). – Казань: Изд-во «Казанский университет», 2013. – С. 108–112.

8. Сулейманова, Д.Д. Гласный *a* в тюркско-баскских соответствиях / Д.Д. Сулейманова // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 11–13 апреля 2013 г.). – М.: Экон-информ, 2013. – С. 250–255.

9. Сулейманова, Д.Д. Переднеязычные фрикативы (щелевые) и аффрикаты в тюркско-баскских соответствиях / Д.Д. Сулейманова // Актуальные проблемы башкирской и тюркской лингвистики: сборник научных трудов / Коллектив авторов. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. – С. 311–317.

10. Сулейманова, Д.Д. Тюркско-баскские соответствия в названиях категорий людей / Д.Д. Сулейманова // Актуальные проблемы современной башкирской филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 12–13 декабря 2013 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 305–312.

11. Сулейманова, Д.Д. Об устойчивом характере фонемы *k* в тюркско-баскских соответствиях / Д.Д. Сулейманова // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) (Уфа, 12–14 мая 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 91–93.

12. Сулейманова, Д.Д. О проблеме происхождения тюркской фонемы *j* (по баскским соответствиям) / Д.Д. Сулейманова // Milli Mədəniət. – 2014. – № 25. – С. 126–129.

13. Сулейманова, Д.Д. Развитие башкирской и татарской фонемы *l* (в сравнении с баскской фонемой *l*) / Д.Д. Сулейманова // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения): материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Уфа, 20 июня 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 175–177.

14. Сулейманова, Д.Д. Фонема *t* в тюркско-баскских соответствиях / Д.Д. Сулейманова // Теория и практика языковой коммуникации: материалы VI Международной научно-методической конференции (Уфа, 25–26 июня 2014 г.). – Уфа: УГАТУ, 2014. – С. 273–279.

15. Сулейманова, Д.Д. Межъязыковая и междиалектная вариативность тюркских гласных (в сравнении с баскским вокализмом) / Д.Д. Сулейманова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 194–199.

16. Сулейманова, Д.Д. Развитие начальной архифонемы *n* в тюркских (на примере татарского, башкирского) и баскском языках / Д.Д. Сулейманова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 3 (34). – Ч. 2. – С. 84.

17. Сулейманова, Д.Д. О развитии тюркской (на примере татарской, башкирской) и баскской (сулетинской) фонем *ï* / Д.Д. Сулейманова // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 12-й международной научно-практической конференции (Махачкала, 14 июня 2015 г.). – Махачкала: ООО «Апробация», 2015. – С. 36–38.

18. Сулейманова, Д.Д. Эволюция фонемы */p/* в тюркском (татарском, башкирском) и баскском консонантизме: сопоставительный анализ / Д.Д. Сулейманова // Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия: материалы VIII международной научной конференции (Северный Чарльстон, Южная Каролина, США, 17–18 июня 2015 г.). – Ч. 2. Общественные и гуманитарные науки. – North Charleston, SC, USA: GreatSpace, 2015. – С. 107–111.

19. Сулейманова, Д.Д. Развитие фонемы */g/* в тюркском (на примере татарского, башкирского) и баскском консонантизме / Д.Д. Сулейманова // The Sixth International Conference on Eurasian scientific development: proceedings of the Conference (August 18, 2015). – Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2015. – С. 98–102.

20. Сулейманова, Д.Д. Историческая типология татарской, башкирской фонологических систем в сопоставлении с данными баскской фонологии / Д.Д. Сулейманова // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Уфа, 27 ноября 2015 г.). – Уфа, 2015. – Ч. II. – С. 315–321.

21. Сулейманова, Д.Д. Башкирские, татарские фонемы */k, q, g, ɣ/* и баскские */k, g/* в аффиксальных морфемах / Д.Д. Сулейманова // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева (Уфа, 31 мая – 3 июня 2016 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 432–433.

22. Сулейманова, Д.Д. Башкирские, татарские переднеязычные фрикативы и баскские сибиллянты, аффрикаты в аффиксальных морфемах / Д.Д. Сулейманова // Теория и практика языковой коммуникации: материалы VIII Международной научно-методической конференции. – Уфа: РИК УГАТУ, 2016. – С. 241–246.

СУЛЕЙМАНОВА Дильбар Данисовна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ
(БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО)
И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 05.12.2016 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1,38. Уч.-изд. л. 1,52.
Тираж 100 экз. Заказ 558.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*